

Ирина ЕВЛАМПИЕВА

## Роман «Братья Карамазовы» как педагогическая поэма

На первый взгляд, в названии как минимум два противоречия: само словосочетание *педагогическая поэма*, если рассматривать современное значение слова *педагогика* (наука о воспитании и обучении), оксюморонно, однако если обратиться к первичному значению слова (буквально с греческого — вождение детей), то противоречие снимается, так как, на наш взгляд, именно о таком отношении к детям и идёт речь в последнем романе Ф.М. Достоевского. Второе противоречие — соединение по отношению к одному произведению двух жанровых названий — тоже поверхностно, так как слово «поэма» употреблено в переносном смысле (о чём-то возвышенном, прекрасном).

Эта тема возникла неслучайно и вполне вписывается в общую тематику наших чтений, так как чтение Достоевского — это прежде всего процесс самопознания, а по роду деятельности, по социальному статусу и по мироощущению все мы здесь обучаемые и обучающие, отцы и дети, воспитывающие и воспитываемые, поэтому «подойти» с этих позиций к прочтению романа «Братья Карамазовы» давно возникла необходимость.

Особенно интересно прочесть роман с точки зрения отношения автора к воспитанию. На одном из форумов в Интернете можно прочесть следующее безапелляционное заявление: «Дети — это такие же люди, как и взрослые, но только ещё лучше, чище, настолько чище, насколько не испорчены так называемым воспитанием. Лучшее воспитание — отсутствие любого активного, целенаправленного воспитания. Даже великий Достоевский не признавал слова «воспитание». В письмах писал не «воспитывай», а «веди»».

Тут следует возразить обращением к письмам Достоевского, в одном из которых читаем: «...Смутно на душе и тоска. Думаю о вас, о Фединьке милом, который меня крестил, об ангеле моём Любочке и о тебе очень. Аня, милая, ради Бога, будь внимательна к ним. Что ты их любишь,

я знаю. *Не кричи* только <...> на них <...> и *веди их чисто*» (*курсив мой — И.Е.*)<sup>1</sup> Как мы видим, автор письма не противопоставляет в нём слова «воспитывай» и «веди», говоря совсем о другом.

Понимание воспитания как «вождения» явно присутствует в романе. Старец Зосима «ведёт» и наставляет Алёшу. Однако отношение старца Зосимы к Алёше не только отношение наставника, в их отношениях есть то, что Ян Амос Коменский называл «питанием души», то есть настоящим воспитанием. Процесс этот двусторонний. «Без сомнения он (старец) поразил Алёшу каким-нибудь *особенным свойством души своей*. Алёша жил в самой келье старца, который очень *полюбил его* и допустил к себе».

*Открытость* старца, его готовность принять чужую душу, творит чудеса. «Про старца Зосиму говорили многие, что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедывать сердце своё и жаждавших от него совета и врачебного слова, — до того много принял *в душу* свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрёл прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришёл, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово. Но при этом Алёша почти всегда замечал, что многие, почти все, входившие в первый раз к старцу на уединённую беседу, входили в страхе и беспокойстве, а выходили от него почти всегда светлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось в счастливое. Алёшу необыкновенно поражало и то, что старец был вовсе не строг; напротив, был всегда почти весел в общении. Монахи про него говорили, что он именно привязывается *душой* к тому, кто грешнее, и кто всех более грешен, того он всех более и возлюбит».

Нельзя не заметить ещё одну сюжетную линию романа, напрямую связанную с «Великой дидактикой» Я.А. Коменского — это линия Коли Красоткина, «умменького» мальчика, находящегося до встречи с Алёшей Карамазовым не в мень-

Ирина Николаевна ЕВЛАМПИЕВА — учитель русского языка и литературы п. Пола Парфинского района Новгородской области.